

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 902 (470.13)

**Арктическая и субарктическая зоны европейского
Северо-Востока в эпоху энеолита-бронзы
и в раннем железном веке
(обзор)¹**

Семенов В.А.¹,
Васкул И.О.²

Аннотация. В статье характеризуются археологические культуры периода энеолита – бронзы и раннего железного века, памятники которых были распространены в арктической и субарктической зонах Европейского Северо-Востока, рассматриваются вопросы происхождения культур, этнокультурных контактов оставившего их населения, показывается взаимосвязь освоения региона с климатическими условиями.

Ключевые слова: Европейский Северо-Восток, археологические культуры, миграции, межкультурные взаимодействия.

**Arctic and subarctic areas of the European Northeast
in the era of the Chalcolithic-Bronze Age and early Iron Age
(overview)**

¹ Публикация подготовлена по проекту №15-15-6-47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике» Программы фундаментальных исследований УрО РАН.

Semenov V.A.¹,
Vascul I.O.²

Abstract. The archaeological cultures of the Eneolithic - Bronze and Early Iron Age which sites have been distributed in the Arctic and subarctic zones of the European Northeast are characterized, problems of the origin of the cultures, ethnocultural contacts of the population that have left them, are considered, the interrelation of development of the region with environmental conditions is shown.

Keywords: European Northeast, archaeological culture, migration, intercultural interaction.

¹*Семенов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Института истории и права Сыктывкарского государственного университета им. П.А. Сорокина. Октябрьский пр., 55, 167001, г. Сыктывкар, Российская Федерация; главный научный сотрудник сектора исторической демографии и исторической географии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. ул. Коммунистическая, 26, 167000, г. Сыктывкар, Российская Федерация*

Semenov Viktor Anatol'evich, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian and foreign history of the Institute of History and Law of the Syktyvkar State University named after P.A. Sorokin. October ave., 55, 167001, Syktyvkar, Russian Federation; Chief Researcher of Sector of historical demography and historical geography of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Urals Branch, Russian Academy of Sciences, Kommunisticheskaia str., 26, 167000, Syktyvkar, Russian Federation.

E-mail: Semenov_45@bk.ru

²*Васкул Игорь Орестович, кандидат исторических наук, доцент, зам. директора Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. ул. Коммунистическая, 26, 167000, Сыктывкар, Российская Федерация*

Vascul Igor' Orestovich, Ph.D. (History), associate professor, Deputy Director of the Institute of Language, Literature and History,

*Komi Science Centre, Urals Branch, Russian Academy of Sciences,
Kommunisticheskaia str., 26, 167000, Syktyvkar, Russian
Federation.*

E-mail: vaskul@mail.illhkomisc.ru

© **В.А. Семенов**

© **И.О. Васкул**

Арктическая и субарктическая зоны Европейского Северо-Востока (далее ЕСВ) включают бассейн Нижней Печоры и примыкающие к нему районы Большеземельской и Малоземельской тундры. Наиболее ранние свидетельства пребывания здесь древнего человека относятся к ранней поре верхнего палеолита. Этим временем датируется стоянка Мамонтова Курья в верхнем течении р. Усы, относящаяся к кругу селетоидных культур начала верхнего палеолита Русской равнины. К концу верхнего палеолита относится стоянка Пымва Шор в Большеземельской тундре, оставленная носителями уральской позднепалеолитической культуры, родственной палеолитическим культурам Северной Азии [19, С. 128-140]. Мезолитические памятники исследуемого региона изучены достаточно слабо. Исследователи полагают, что они относятся к парчевской археологической культуре (далее АК) западной традиции мезолита ЕСВ [8, С. 73-98]. Немногочисленны в рассматриваемом регионе древности неолитической эпохи. Имеющиеся источники свидетельствуют о том, что освоение региона, как и всей территории ЕСВ, в неолите ограничено кратковременной эксплуатацией его промысловых ресурсов небольшими мобильными группами охотников-рыболовов и их кратковременным пребыванием здесь [11, С. 82-83].

В эпоху энеолита – бронзы (III – начало I тыс. до н.э.) начинается новый этап освоения арктической и субарктической зоны региона. Древности энеолитического периода (III – первая половина II тыс. до н.э.) отнесены Л.П. Хлобыстиным и Л.П. Лашуком к выделенной ими ортинской археологической культуре. Ареал культуры – районы При- и Заполярья от низовьев Оби на востоке до Тиманского кряжа на западе. Вопрос о принадлежности к этой культуре поселения Чужьяель I на Мезени они оставили открытым. Нижнеобские древности

были ими выделены в пернашорский тип², который, по их мнению, является более ранним [15, С. 44-45]. В.С. Стоколос отнес памятники энеолитического времени к среднему этапу, выделенной им, чужьяельской нео-энеолитической культуры (датировка этапа: начало – третья четв. III тыс. до н.э.), к ее при- и заполярной группе [22, С. 104-105; 23, С. 219-228]. На среднем этапе развития культуры чужьяельские древности были распространены в бассейнах Мезени, Печоры, Вычегды, Большеземельской тундре, керамика близкая чужьяельской известна на Ямале и в Нижнем Приобье. Появление памятников этой культуры в Заполярье было, по мнению исследователя, связано с благоприятными климатическими условиями, благодаря которым лесная зона была распространена вплоть до побережья Баренцева моря. Известны поселения со стационарными наземными и углубленными в землю жилищами, большими коллекциями вещевого инвентаря (Нерчей II, Пижма II, Ружникова, Колва-вис 25) и временные стоянки с очень небольшим количеством материала (Ортино, Море-ю). Основные находки – керамика, каменный инвентарь. Глиняная посуда декорирована ямками, гребенчатым штампом. Отличительной особенностью глиняной посуды и на ЕСВ и в Приобье является «чешуйчатый» орнамент, нанесенный зубчатыми отпечатками. Исследователи предлагают его «рассматривать как специфическое трансуральское явление, отражающее (сильные?) широтные связи европейского и сибирского населения на определенном отрезке времени» [12, С. 139]. Для керамики, найденной в При- и Заполярье характерно применение сотового орнамента, отсутствующего на Мезени, но известного в культурах Западной Сибири и Зауралья. Каменный инвентарь в представлен кремневыми скребками различной формы, комбинированными орудиями, ножами, скобелями, проколками, наконечниками стрел, сланцевыми топорами, долотами, пилами. Отличия от кремневого инвентаря мезенских памятников проявляются в появлении поздних форм наконечников: листовидных, треугольных, треугольничерешковых [23, рис. 10-13]. Памятники последнего, третьего этапа чужьяельской АК в арктической зоне

² Взгляды исследователей на культурную принадлежность нижнеобских памятников см. в диссертации С.Ф. Кокшарова [12, С. 136-143].

Припечорья отсутствуют, что связано с начавшимся суббореальным похолоданием [23, С. 213-229]. По этой же причине в указанном районе неизвестны находки, относящиеся к чойновтинской АК эпохи энеолита. Самые северные пункты обнаружения чойновтинской керамики с органическими примесями в тесте, декорированной гребенчатым, шнуровым, резным орнаментом в бассейне нижней Печоры – поселения Пижма II на оз. Ямозеро и Ружникова на Косминских озерах. В то же время В.С. Стоколос не исключал эпизодических проникновений чойновтинцев в тундровые районы региона [23, С. 229-245].

Эпоха бронзы (середина II – начало I тыс. до н.э.) представлена в рассматриваемом регионе памятниками атаманюрской, лебяжской и коршаковской археологических культур. Древности первой из них распространены в бассейне рек Печоры и Вычегды в пределах таежной зоны. Самыми северными из них являются поселения Ягъель и Адзъва II на р. Усе у Северного полярного круга. Для этой культуры характерны многоугольные жилища, кремневые изделия, среди которых ведущее место занимают наконечники стрел, глиняная посуда чрезвычайно разнообразная по форме и орнаментации, известны металлические изделия. Глиняная посуда обнаруживает близость с керамическими комплексами самусьской общности в Зауралье и чирковско-сейминской культуры в Среднем Поволжье и отражает проникновение носителей этих керамических традиций на территорию ЕСВ [23, С. 247-256, рис. 27-30]. Л.И. Ашихмина прослеживает в керамике поселений Ягъель и Адзъва II «отдельные традиции фатьяновской, абашевской и поздняяковской культур» [1, С. 76].

Местную линию в развитии культуры населения региона отражает лебяжская АК. По мнению исследователей, это североевропейская культура, основной ареал которой – таежная зона бассейна р. Печора, бассейн средней и верхней Вычегды [23, С. 256-259; 9, С. 77-83]. Культура характеризуется наземными жилищами, окруженными завалинкой, широкогорлыми чашевидными сосудами, декорированными ямками под венчиком и наклонными рядами, горизонтальными линиями, ромбической сеткой, зигзагами из оттисков гребенчатого штампа на шейке и плечиках. Под влиянием «атаманнюрцев» в орнаментации керамики появляются проташенные линии. На позднем этапе развития культуры в

орнаменте, наряду с зубчатыми узорами, присутствуют шнуровые, прокатанные линии и крестовидные отпечатки. Кремневый инвентарь характеризуется скребками на отщепях, в том числе с подтесанной спинкой, листовидными и треугольными наконечниками стрел, обломками наконечников копий. Выявлены многочисленные следы бронзолитейного производства [23, С. 256-259, рис. 32]. В арктической и субарктической зоне ЕСВ обнаружены ранние лебяжские памятники (Ружникова, Кыско, Колва-вис 20, Приозерская 4, 6, Адзьвинская 5, 6) [23, рис.24; 10, рис. 67]. На поселениях Ружникова и Кыско найдена керамика. На стоянках Колва-вис 20, Приозерская 4, 6, Адзьвинская 5, 6 вместе с глиняной посудой обнаружены кремневые изделия. Стоянки, видимо, носят сезонный промысловый характер. Лебяжские материалы (керамика, кремневые наконечники стрел), датирующиеся переходным временем от бронзового к железному веку, найдены в Адакской I пещере (датировка по 14С - 2780+/-120 лет до наших дней (ЛЕ 7265)), расположенной на р. Усе у северного Полярного круга [21, С. 66-72].

Памятники коршаковской АК распространены в Большеземельской и Малоземельской тундрах и Печорском Приполярье [23, С. 259-262, рис. 35; 10, С. 124-126]. Выделяются поселения как места многократного использования местности (типа Коротаиха 1981/10), так и кратковременные стоянки (типа Нерчей I). Изучены легкие жилища типа чумов со слабо углубленными в почву площадками округлой формы. Внутри жилых сооружений расчищены очаги, состоявшие из кострища и идущей от него вверх по наклонной площадке за пределы постройки траншеи (Коротаиха 1979/3). На поселениях Коротаиха 1979/3 и 4 найдены предметы, связанные с бронзолитейным производством. Каменный инвентарь представлен сланцевыми плитами, кремневыми наконечниками стрел, кремневыми, кварцитовыми и сланцевыми наконечниками дротиков, кремневыми и кварцитовыми скребками, сланцевыми и кварцитовыми топорами и др. Визитной карточкой культуры является керамика. Она представлена сосудами полуяйцевидной формы с конусовидным или закругленным дном. Большинство из них изготовлено техникой выколачивания. На внутренних стенках сохранились отпечатки ткани или мелкочаеистой сетки, на которой производилась формовка сосудов. Орнамент образован

наклонными рядами зубчатых отпечатков, ямками, и мелкой катаной волной. Зачастую ямки под венчиками сопровождаются рельефными отворотиками. Ниже узоров из катаной волны на сосудах нанесены отпечатки грубой ткани [23, С. 259-262]. Исследователи полагают что, керамические комплексы коршаковской культуры не имеют местных корней и предполагают их зауральское происхождение. В.И. Канивец сравнивал коршаковскую глиняную посуду с памятниками типа Сумпанья II [10, С. 125]. В.С. Стоколос, поддержав эту точку зрения, расширил круг аналогий за счет лозьвинской керамики и выдвинул предположение о втором возможном пути проникновения населения коршаковской культуры - из районов Таймырского Заполярья [23, С. 261]. О связи коршаковских памятников с продвигавшимися на запад со стороны Таймыра носителями ымыяхтахской культуры писали Л.П. Лашук и Л.П. Хлобыстин [15, С. 49; 26, С. 101-102]. Уральские археологи рассматривают коршаковские древности как вариант лозьвинской культуры [12, С. 345-346].

В конце бронзового века в южных районах изучаемого региона на поселениях на водораздельных озерах (Кыско, Пижма II, Ружникова), Городецком озере (местонахождение Овечий остров) появляется зауральское население, украшавшее глиняную посуду струйчатыми и крестовидными отпечатками [3, рис. 3, 1; 23, С. 254-256, рис. 31, 10-19]. В.С. Стоколос сравнивал, выделенные им 1 и 2 группы керамики с крестовой и струйчатой орнаментацией с глиняной посудой атлымской и молчановской культур Западной Сибири, подчеркивая, наибольшую близость керамических комплексов ЕСВ и молчановской АК [23, С. 254-255]. В то же время необходимо отметить, что вопрос о датировке и культурной принадлежности памятников с фигурно-штамповой орнаментацией на территории ЕСВ остается дискуссионным [6, С. 72-74].

В комплексах эпохи бронзы на памятниках ЕСВ фиксируется «текстильная» керамика. В интересующем нас регионе она найдена на поселениях Пижма II, Ружникова [23, с. 262, рис. 31, 1-6], Сударма I [16, рис. 4, 12]. Глиняная посуда представлена сосудами котловидной формы и небольшими чашами, орнаментированными зубчатым штампом ямками, нанесенными изнутри сосудов и образующими на внешней поверхности «жемчужины», нижняя часть сосудов покрыта текстильным орнаментом. В орнаменте имеются элементы

близкие лебяжской орнаментальной традиции, свидетельствующие о контактах с носителями культуры крестовой керамики [23, С. 262-264]. Основной ареал памятников с «текстильной» керамикой в лесной зоне – от верхней Волги и Камы на востоке до Скандинавии на западе. Керамика различается по примесям в глиняное тесто, видам текстильных отпечатков [14, С. 161]. В.С. Стоколос объясняет появление «текстильной» керамики на ЕСВ воздействием населения более южных областей лесной зоны Восточной Европы [23, С. 264].

Немногочисленны исследованные памятники раннего железного века, что обусловлено ухудшением климатических условий в I тыс. до н.э. [18]. Большинство из них датируется первым, ананьинским периодом, железного века, значительно меньше памятников гляденовского времени. Древности ананьинского периода представлены на территории ЕСВ комплексами четырех культурно-хронологических типов, выделенных В.И. Канивцом: Ластва (VIII - VI вв. до н.э.), Чаркабож (VIII - VI вв. до н.э.), Перный (VI - III вв. до н.э.), Ямашор (VI - III вв. до н.э.). Формирование культурного типа Ластва происходило на основе лебяжской культуры эпохи бронзы, культурный тип Чаркабож сформировался в результате переселения из-за Урала носителей культуры «крестовой керамики» и их взаимодействия с местным населением. Сложение культурного типа Перный произошло в результате взаимодействия носителей ластинских традиций и переселенцев из Прикамья, культурный тип Ямашор является восточной параллелью Перному и отражает зауральское влияние в орнаментации глиняной посуды [10, С. 129-145]. Помимо керамики во время раскопок обнаружены кремневые скребки, костяные, бронзовые и железные предметы вооружения, украшения, бронзовые зеркала, железные ножи, культовые предметы. Серия предметов выполнена в ананьинском зверином стиле. Памятники названных культурных типов входили в ананьинскую культурно-историческую область (общность) [2, С. 314-333]. Для керамических комплексов всех этих культурных типов характерна глиняная посуда чашевидной формы с минеральными примесями в тесте, декорированная в верхней части тулова ямками, зубчатым штампом, шнуром, фигурными отпечатками. Для перныйской и ямашорской керамики присуща такая деталь шейки как воротничок. Судя по опубликованным

Г.А. Черновым данным, в тундровой зоне Печорского Заполярья материалы ананьинского времени известны на четырех стоянках (Падимейская 7, 32 и Сандибей-ю 7, Черная 2) [26, С. 44, 50-51, 81, 87]. На этих памятниках найдены фрагменты незначительного числа сосудов, украшенных ямками, шнуром, зубчатыми оттисками, отпечатками фигурного штампа [26, табл. 13]. Один из сосудов со стоянки Черная 2 имеет воротничок на шейке. Небольшое число памятников, незначительность найденных на них материалов свидетельствует, как представляется, о кратковременном, сезонном характере этих стоянок. Большинство археологических памятников расположено в южной части региона, в Печорском Приполярье. Керамика ананьинского времени обнаружена на оз. Ямозеро (поселение Пижма II), Косминские (поселения Кыско, Ружникова), Урдюжском (поселение Сударма I) [4; 16]. На нижней Печоре и Усе выявлены поселения культурных типов Ласта, Чаркабож, Перный и Ямашор. Среди них - раннеананьинское поселение (тип Ласта) у с. Медвежка, поселения культурного типа Перный Лабажское у с. Окунев Нос и Перный в окрестностях д. Няшабож, поселение Чаркабож недалеко от одноименной деревни, поселение культурного типа Ямашор Сынявом I у д. Сынянырд и другие. Материалы раннеананьинского времени обнаружены в Адакской I пещере на р. Усе. Особо необходимо отметить Шиховской археологический комплекс недалеко от д. Гаревое в Усть-Цилемском районе Республики Коми. Здесь выявлены могильник и поселения, относящиеся к культурным типам Перный и Ямашор [5]. Материалы перечисленных памятников свидетельствуют о постоянном обитании населения, оставившего ластинские, чаркабожские, перныйские и ямашорские древности, в южных районах региона, в зоне крайне северной тайги. Имеющиеся источники дают возможность говорить о взаимодействии носителей различных культурных образований друг с другом, об этнокультурных контактах жителей Печорского Приполярья с населением Северо-Запада и Нижнего Приобья, что нашло отражение в керамических комплексах памятников.

Древности следующего, гляденовского, периода (конец III - II вв. до н.э.- первой половине I тыс. н.э.) относятся в бассейне р. Печора к пиджской АК. Памятники этой культуры распространены в таежной зоне ЕСВ. Известны поселения, пещерные святилища и погребения. Керамика характеризуется

круглодонными сосудами чашевидной формы, с минеральными добавками в глиняное тесто. Посуда орнаментирована в верхней части резными узорами, ямками, шнуровыми и зубчатыми отпечатками, каннелюрами. Найдены также украшения, предметы вооружения, украшения, культовые изделия, бронзовые зеркала. По мнению исследователей, культура сформировалась на базе культурных типов ананьинского времени, что прослеживается в форме сосудов, построении схемы их орнаментации, наличии узоров, выполненных шнуром, ямками, зубчатыми оттисками, типах поселений, погребальном обряде [4, С. 349-384]. Новыми в декоре глиняной посуды являются резные узоры и каннелюры. Если резные узоры характерны для культур, входивших в гляденовскую культурную общность, то каннелюры резко выделяются керамический комплекс пиджской АК [4, С. 379-380]. Прослеживается взаимодействие с культурами Западной Сибири [4, С. 382]. В бассейне нижней Печоры древности пиджской культуры на раннем этапе ее существования отсутствуют на территории Большеземельской тундры. Это связано с пиком похолодания, который приходится на переходное время от суббореального к субатлантическому периоду в последней четверти I тыс. до н.э., что вызвало сдвиг к югу зоны тундры на 150 км от современной границы [18, С. 154-162]. Материалы пиджской АК в интересующем нас регионе представлены на поселениях Пижма I-II, Ружникова, Кыско, Пижемский Гумежек, Минина Виска I, Шиховское III, Сынъянурд V, в Адакском I пещерном святилище, могильниках Новый Бор I и Шиховском, местонахождении Хасиха 3 [4, С. 375-376; 16, рис. 9, 6-7, рис. 10, 1-3; 3, рис. 3, 2].

Культурная ситуация в регионе изменяется в начале I тыс. н.э. На основе взаимодействия населения пиджской АК и продвинувшихся из Западной Сибири носителей кулайской (усть-полуйской) культуры в Печорском крае во второй четверти I тыс. н.э., что подтверждается радиоуглеродными датировками [5, С. 19; 20, С. 54], формируется бичевницкий культурный тип (керамические комплексы типа поселения Бичевник I), для которого характерны сосуды чашевидной формы, декорированные зубчатыми оттисками, ямками, каннелюрами, овальными вдавлениями [17, С. 505-506]. Древности этого типа были распространены в лесной и тундровой зонах ЕСВ, Верхнем Прикамье, Нижнем Приобье. В Большеземельской

тундре выделены близкие бичевницким керамические комплексы типа Море-ю [17, С. 512]. Вместе с бичевницкой керамикой на памятниках с территории Большеземельской тундры встречаются единичные позднегладеновские сосуды. Новое освоение арктической и субарктической зоны бассейна р. Печора было обусловлено, прежде всего, благоприятными климатическими условиями, позволившими, судя по радиоуглеродным датировкам поселения у Мыса Входной, уже в первые века нашей эры выйти на побережье Баренцева моря [25, С. 127]. Еще одним фактором стало развитие с конца I тыс. до н.э. транспортного оленеводства [24, С. 61-63]. Это вызвало увеличение мобильности населения, связало отдаленные территории севера Евразии друг с другом. Этнокультурные связи с Нижним Приобьем документируются материалами Шиховского могильника в Печорском Приполярье и могильника на озере Пожемты за Северным Полярным кругом, распространением керамики, украшенной горизонтальными каннелюрами, сходных типов металлических украшений, культовой пластики. Несомненно, население, оставившее памятники типа Бичевник I, обнаруженные в разных географических и природно-климатических зонах, расположенные на «северной дороге контактов и миграций» [7, С. 53-66], следует рассматривать в качестве одного из ретрансляторов культурных новаций на ЕСВ и Нижнем Приобье. Во второй половине I тыс. н.э., в эпоху раннего средневековья, ареал бичевницких древностей охватывает в основном лесное Приуралье, в арктической и субарктической зоне ЕСВ распространяются памятники субарктической культуры, керамический комплекс которой близок культурам эпохи железа в нижнеобском регионе [17, С. 513].

Таким образом, эпоха энеолита-бронзы и ранний железный век характеризуются в арктической и субарктической зонах ЕСВ постоянным присутствием групп населения, связанных своим происхождением с различными районами севера лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири. По всей видимости, это, прежде всего, обусловлено хозяйственным освоением природных ресурсов региона подвижными группами охотников и рыболовов. Об этом свидетельствуют топографическое расположение памятников археологии, найденные на них инвентарь, фаунистические остатки. Выделяются поселения как места неоднократного

использования местности и кратковременные сезонные стоянки. Поселения чужьяельской культуры эпохи энеолита и атаманнюрской культуры эпохи бронзы характеризуются стационарными углубленными в землю жилищами. Наблюдаются различия в распространении археологических памятников в южной и северной частях региона, что обусловлено природно-климатическими условиями. В отдельные хронологические периоды, судя по имеющимся данным, объекты археологии отсутствовали на территории Большеземельской тундры. Только с I тыс. н.э., по всей видимости, можно говорить о постоянном обитании населения на территории всего региона. В целом же материалы археологических памятников свидетельствуют о сложных историко-культурных процессах проходивших в арктической и субарктической зонах ЕСВ в эпоху энеолита-бронзы и раннем железном веке.

Список литературы и источников

1. Ашихмина Л.И. Индоевропейцы и финно-угры в Северном Приуралье (II тыс. до н.э.) // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Доклады Международной научной конференции, посвященной памяти В.Ф. Генинга. Сыктывкар, 7-10 июня 1994 г. Сыктывкар, 1995. С. 72-80 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 14).
2. Ашихмина Л.И., Васкул И.О. Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 314-348.
3. Барышев И.Б. Исследование культурного и природного наследия Городецкого озера морской арктической комплексной экспедицией // Научно-практическая конференция «Пустозерск и северные города в развитии Российской государства» (К 1150-летию зарождения Российской государственности), г. Нарьян-Мар, 20-22 сентября 2012 г. С. 5-10.
4. Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 349-399.
5. Васкул И.О. Шиховской могильник раннего

железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2002. 52 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 451).

6. Васкул И.О. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в ананьинское время // Культурные связи населения европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 58-83 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 18).

7. Викторова В.Д. Городище Няксимволь на северной дороге контактов и миграций // Няксимволь. Томск; Ханты-Мансийск: Издательство Томского университета, 2014. С. 53-66.

8. Волокитин А.В., Грибченко Ю.В. Север Восточно-Европейской равнины // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: Атлас-монография. М.: ГЕОС, 2014. С. 73-98.

9. Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 135 с.

10. Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 150 с.

11. Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. 226 с.

12. Кокшаров С.Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Екатеринбург, 2015. 425 с. (<http://www.archeology.nsc.ru>)

13. Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 114 с.

14. Лавенто М., Патрушев В.С. Развитие и хронология текстильной керамики на Средней и Верхней Волге: критический взгляд возможностей хронологии по 14С-, АМС и типологическому методам // Поволжская археология. №2. 2015. С. 160-188.

15. Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север западной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 185. М. 1986. С. 43-50.

16. Лузгин В.Е., Мурыгин А.М., Карманов В.Н. Археологические памятники бассейна реки Сула (Малоземельская тундра) // Первобытные и средневековые

древности европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2015. С. 53-70 (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; Вып. 19).

17. Мурыгин А.М. Памятники позднего железного века печорского Приуралья // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 478-560.

18. Никифорова Л.Д. Динамика ландшафтных зон голоцена Северо-Востока Европейской части СССР // Развитие природы на территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 154-162.

19. Павлов П.Ю. Средний и верхний палеолит северо-восточной части Восточно-Европейской равнины // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: Атлас-монография. М.: ГЕОС, 2014. С.128-140.

20. Селезнева О.М., Васкул И.О. Новые данные об этнокультурных связях населения европейского Северо-Востока и Зауралья в эпоху железа // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Сборник научных трудов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004. Вып. 1. С. 52-57.

21. Семенов В.А., Рябцева Е.Н. Адакское пещерное святилище на р. Усе и проблемы освоения Полярного Урала // 200 лет арктической археологии. Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 1990. Вып. 200. С. 66-72.

22. Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. 192 с.

23. Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213-313.

24. Федорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 54-66.

25. Хлобыстин Л.П., Питулько В.В. Многослойное поселение Мыс Входной // Древности Русского севера. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 123-133.

26. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культуры Севера Евразии. СПб, 1998. 342 с.

27. Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М.: Наука, 1985. 169 с.